

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII ВЕКА: ОТ САКРАЛЬНОЙ УГРОЗЫ К ДИАЛОГУ

Аннотация. В статье анализируется трансформация образа «чужого» в русской культуре XVII столетия как ключевой механизм междивизиационного диалога. На основе культурфилософского подхода, позволяющего выделить онтологические, гносеологические и аксиологические основания феномена, и герменевтической методологии показано, как постепенно преодолевалась модель восприятия инокультурного как сакральной угрозы и формировалась более сложная картина мира, открытая для диалога с иными культурами. Особое внимание уделяется роли церковного раскола как аксиологического разлома, в котором столкнулись разные ответы на вопрос о допустимости культурных заимствований. Выделяется образовательный потенциал изучения данного сюжета: он позволяет формировать историческое мышление, толерантность и способность к пониманию чужого как иного без оценочных суждений.

Ключевые слова: русская культура XVII века, образ «чужого», междивизиационный диалог, церковный раскол, культурная трансформация, герменевтика, аксиология, культурное наследие, образование, воспитательный потенциал.

D. S. Pilipenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

THE IMAGE OF THE “ALIEN” IN 17TH-CENTURY RUSSIAN CULTURE: FROM SACRED THREAT TO DIALOGUE

Annotation. The article analyzes the transformation of the image of the “alien” in Russian culture of the 17th century as a key mechanism of intercivilizational dialogue. Based on the cultural-philosophical approach that identifies the ontological, epistemological and axiological foundations of the phenomenon, and on hermeneutic methodology, it is shown how the model of perceiving the foreign as a sacred threat was gradually overcome and a more complex worldview open to dialogue with other cultures was formed. Special attention is paid to the role of the Church schism as an axiological rupture, in which different answers to the question of the admissibility of cultural borrowings collided. The educational potential of studying this subject is highlighted: it allows forming historical thinking, tolerance, and the ability to understand the alien as the Other without value judgments.

Key words: Russian culture of the 17th century, image of the “alien”, intercivilizational dialogue, Church schism, cultural transformation, hermeneutics, axiology, cultural heritage, education, educational potential.

Обращение к историко-культурному материалу всегда имеет не только научное, но и воспитательное измерение [9]. Современная историко-культурная ситуация актуализирует проблему восприятия чужого как одного из центральных сюжетов гуманитарного знания. В условиях глобализации, миграционных процессов и поиска национальной идентичности особую значимость приобретает понимание того, как культуры прошлого учились выстраивать отношения с иными цивилизациями. Русская культура XVII столетия представляет собой в этом отношении показательный случай: именно в этот период происходит перелом от изоляционистской модели, основанной на сакральном противопоставлении своего и чужого, к постепенному осознанию открытости культурного пространства [4, с. 80]. Интенсивные контакты с Западной Европой и Речью Посполитой, возникновение Немецкой слободы в Москве, привлечение иностранных специалистов в армию и промышленность – всё это создавало ситуации, в которых чужое уже нельзя было игнорировать или просто отвергать. Изучение этого перехода имеет не только академическую ценность, но и важный образовательный потенциал: оно позволяет сформировать у учащихся и студентов навыки непредвзятого исторического мышления, способность понимать внутреннюю логику культурных феноменов без навязывания современных оценок [1, с. 315].

Научная новизна исследования заключается в том, что анализ образа чужого в русской культуре XVII века впервые осуществляется с позиций культурфилософского подхода, позволяющего выделить онтологические, гносеологические и аксиологические основания этого феномена. Если традиционный исторический или искусствоведческий подход

ограничивается преимущественно фиксацией фактов заимствований и внешних влияний, то предлагаемая методология даёт возможность рассматривать изменение восприятия инокультурных явлений как глубинный процесс перестройки ценностных матриц. Такой ракурс требует герменевтической реконструкции смыслов эпохи, то есть понимания не столько того, что именно заимствовалось, сколько того, как это заимствование осмыслялось и переживалось современниками. Соответственно, цель статьи заключается в том, чтобы выявить динамику образа чужого в русской культуре XVII столетия и определить образовательный потенциал этого сюжета для изучения культурного наследия в системе образования.

В XVII веке русская культура вступает в полосу интенсивных контактов с Западной Европой и Речью Посполитой. Если в XVI столетии доминировала установка, закреплённая идеей «Москва – третий Рим», согласно которой инокультурное воспринималось как угроза сакральному универсуму, то в XVII веке эта модель начинает давать сбои [8, с. 205]. Присоединение Левобережной Украины в 1654 году, активное привлечение иностранных специалистов в армию и промышленность, возникновение Немецкой слободы в Москве, распространение польско-литовского влияния через украинское духовенство – всё это создавало ситуации, в которых чужое уже нельзя было игнорировать или просто отвергать [3, с. 52]. Культурные контакты перестают быть эпизодическими; они пронизывают все слои общества, заставляя по-новому осмысливать границы допустимого. Старая онтологическая рамка, в которой чужое было тождественно враждебному, оказывается недостаточной для описания реального многообразия культурных влияний. Так, появление в Москве Немецкой слободы вызвало не только бытовое любопытство, но и настороженность со стороны патриарха и части боярства. Иностранные врачи, аптекари, военные инженеры воспринимались как носители иного уклада, однако их практическая полезность постепенно ослабляла сакральное табу. Аналогично, польское платье и оружие, проникавшие через украинское посредничество, становились предметом осуждения со стороны ревнителей древнего благочестия, но одновременно усваивались придворной средой [7, с. 108].

В культурфилософском плане этот переход можно описать как изменение онтологической рамки. Мир перестаёт восприниматься исключительно как арена борьбы сил истинной веры с еретиками; постепенно формируется представление о культуре как о более сложной системе, где различные элементы могут сосуществовать. Гносеологически это требует выработки новых способов понимания – уже не простого отторжения, но попытки осмысления чужого опыта, включая признание его внутренней логики. Именно здесь герменевтический принцип слияния горизонтов, разработанный Х.-Г. Гадамером, позволяет современному исследователю не навязывать прошлому сегодняшние оценки, а реконструировать внутреннюю логику тех или иных решений [1, с. 315]. Дополнительную методологическую опору даёт концепция конфликта интерпретаций П. Рикёра, согласно которой понимание культуры как совокупности текстов всегда предполагает диалог различных способов прочтения [6, с. 215]. Благодаря этому становится возможным анализировать не только факты заимствований, но и ту смысловую работу, которую проделывала культура, чтобы принять или отвергнуть чужое. Например, анализ «Жития протопопа Аввакума» через призму слияния горизонтов позволяет не просто фиксировать его отрицание «латинской» прелести, но понять логику старообрядческого традиционализма как попытку сохранить целостность сакрального космоса. А переписка Ивана Грозного с Курбским, хоть и датируется XVI веком, задаёт типологическую рамку для спора о власти, которая продолжает влиять и на публицистику XVII столетия [8, с. 210].

Наиболее ярко конфликт между разными типами отношения к чужому проявился в церковном расколе второй половины XVII века. Движение старообрядчества во главе с протопопом Аввакумом стало воплощением инерции традиционализма: любое отступление от древнего благочестия трактовалось как предательство веры, а само благочестие понималось как неразрывное единство обряда, текста и личной верности заветам предков [2, с. 171]. Реформа патриарха Никона, напротив, предполагала заимствование греческих и украинских

образцов, что требовало признания возможности учиться у иных православных культур, то есть допускало, что истина может быть выражена в формах, отличных от привычных [5, с. 125; 11, с. 58]. Таким образом, раскол предстаёт не только религиозным, но и аксиологическим разломом – столкновением ценностных систем, по-разному отвечающих на вопрос о допустимости и степени открытости чужому. Если для старообрядчества открытость означала риск утраты идентичности, то для сторонников реформы она становилась условием сохранения православия в изменившемся мире [10, с. 345].

Для образовательной практики обращение к этому сюжету имеет прямое значение. Изучая, как люди XVII века переживали встречу с чужим, как они пытались осмыслить новые явления – европейское платье, иноземное оружие, иные обряды – учащиеся учатся понимать, что ценностные системы исторически изменчивы, и каждая эпоха имеет свою внутреннюю логику, не сводимую к современным представлениям о прогрессе или отсталости. Одновременно они приобретают способность преодолевать культурное высокомерие, избегая упрощённых оценок вроде «мракобесие» или «отсталость», и начинают видеть в прошлом не набор мёртвых артефактов, а живой процесс поиска ответов на вечные вопросы о границах своего и чужого. Такой подход формирует не только историческое мышление, но и толерантность – способность признавать право иной культуры на собственную логику развития.

Применение герменевтического подхода, разработанного в трудах Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра, позволяет учителю и преподавателю вуза выстраивать занятия так, чтобы учащиеся не просто запоминали даты и имена, но входили в диалог с культурой прошлого [1, с. 315; 6, с. 215]. Концепция слияния горизонтов становится методологической основой для анализа источников – летописей, публицистики, житийной литературы, документов посольских приказов. Вместо изучения разрозненных фактов перед учащимися разворачивается картина, в которой фигуры Аввакума и Никона, Немецкая слобода и Соловецкое восстание предстают как элементы единого смыслового поля, где сталкиваются и переплетаются разные стратегии отношения к чужому. Такой подход не только углубляет понимание конкретной эпохи, но и формирует важнейшее учебное умение – способность видеть за отдельными событиями столкновение ценностных систем.

Проведённое исследование позволяет сделать несколько обобщений. На протяжении XVII столетия происходит постепенный переход от модели восприятия инокультурного как сакральной угрозы, унаследованной от эсхатологических установок XVI века, к признанию возможности диалога с иными культурами. Церковный раскол является аксиологическим разломом, в котором сталкиваются два типа ответа на вызовы межкультурного взаимодействия – консервативный, воплощённый старообрядчеством, и реформаторский, связанный с церковной реформой. Культурфилософский и герменевтический подходы позволяют изучать этот материал без телеологических оценок, например без трактовки секуляризации как безусловного прогресса или упадка, восстанавливая внутреннюю логику каждой из позиций. Наконец, для современного образования обращение к данному сюжету имеет высокую значимость: оно формирует у обучающихся историческое мышление, толерантность, способность к пониманию чужого как иного, не сводимого к собственным представлениям, а также даёт практический инструментарий для работы с источниками. На уроках истории в старших классах или в вузовских семинарах по культурологии можно организовать анализ фрагментов из «Жития Аввакума» и указов царя Алексея Михайловича о приглашении иноземцев. Сравнение двух типов дискурса – изоляционистского и реформаторского – позволяет учащимся самостоятельно выявить аксиологические основания каждой позиции, не прибегая к упрощённым оценкам [4, с. 85].

Таким образом, изучение трансформации образа чужого в русской культуре XVII века не только обогащает представления о переломной эпохе, но и служит ресурсом для воспитания ценностей открытости, диалога и уважения к культурному разнообразию – тех ценностей, которые являются ключевыми в современном образовательном процессе. Дальнейшее изучение трансформации образа «чужого» может быть продолжено на материале петровской

эпохи, где конфликт между традицией и заимствованием достигает апогея, а также в компаративной перспективе с другими православными культурами.

Список источников

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. М.А. Журинской. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н. К. Гудзия. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. – 368 с.
3. Панченко, А. М. Русская культура XVII века / А. М. Панченко // История русской культуры. В 3 томах. – Москва : Наука, 1979. – Т. 2. – С. 5–110.
4. Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. – Ленинград : Наука, 1984. – 205 с.
5. Пыжиков, А. В. Грани русского раскола : заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года / А. В. Пыжиков. – Москва : Древлехранилище, 2013. – 648 с.
6. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / П. Рикёр; пер. с фр. И. С. Вдовиной. – Москва : Академический проект, 2008. – 695 с.
7. Рогов, А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения : (Стрыйковский и его хроника) / А. И. Рогов. – Москва : Наука, 1966. – 312 с.
8. Сеницына, Н. В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) / Н. В. Сеницына. – Москва : Индрик, 1998. – 416 с.
9. Скопа, В. А. Культурная память в историко-философском и культурологическом дискурсе / В. А. Скопа // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – 2025. – № 7. – С. 80–83.
10. Соколов, И. Н. Русская церковь в XVII веке. В 2 томах / И. Н. Соколов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2010. – Т. 1. – 480 с.; Т. 2. – 512 с.
11. Успенский, Б. А. Царь и патриарх : харизма власти в России (византийская модель и её русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 112 с.